

Ки Шаоран вернулся в палату Ван Сююэ. Он тихо позвал Цинь Инь. Ки Шаоран сжал брови. Глядя на Цинь Инь, стоящую перед ним, его сердце было в беспорядке. У него было много вопросов, но он не знал, как их задать. Он несколько раз попрактиковался в уме и задал вопрос максимально мягко, чтобы избежать недоразумений. — Цинь Инь, ты знаешь, сколько осталось на счету твоей тети в больнице? Ки Шаоран хотел спросить, что два миллиона — это немалая сумма. Отец Цинь Инь создал новую семью, и его жена с дочерью были рядом, не интересуясь делами Ван Сююэ. Откуда у Цинь Инь такая огромная сумма денег? Он верил в её характер, но всё же не мог не беспокоиться, что она может быть обманута сложными людьми в обществе и сбиться с пути. Увидев запутанное выражение лица Ки Шаорана. Цинь Инь с ясными и чистыми глазами прислонилась к холодной стене в углу, с серьёзным и спокойным видом. Её голос был холоден. — Баланс в счёте моей матери был оплачен, когда я впервые пришла. — Доктор Ки, я знаю, чего ты опасаться. Не волнуйся, источник этих денег абсолютно законный и соответствующий. Я не сделала ничего постыдного. Цинь Инь знала, что Ки Шаоран задал этот вопрос, потому что знал, что в счёте его матери было 2 миллиона на медицинские расходы. На лице Ки Шаорана промелькнуло беспокойство. — Цинь Инь, не пойми меня неправильно. Он не хотел сомневаться в её характере. Увидев беспокойное выражение на лице Ки Шаорана, Цинь Инь не могла не улыбнуться. Она утешила его. — Я знаю, я не пойму Доктора Ки неправильно. Цинь Инь понимала шок Ки Шаорана. В конце концов, человек, который был так беден, что не мог даже оплатить медицинские расходы, неожиданно превратился в местного богатея, и у всех возникли сомнения. — Хорошо, если только нет недоразумений. Увидев, что на её лице нет недовольства и она действительно не придаёт значения этому делу, сердце Ки Шаорана вернулось на своё место. Он не мог не выдохнуть. *Цинь Инь закончила разговор с Ки Шаораном. Когда она вернулась в палату, она встретила врача, только что вышедшего из палаты. Цинь Инь часто бывала на терапевтическом отделении и узнала, что это лечащий врач дочери тёти Ли. Она подняла ногу и встала у двери. Одежда тёти Ли была наполовину постирана и промокла в тазике, не до конца выстиранная. Теперь она сидела у кровати у окна и молча плакала. Атмосфера в палате была подавленной и странной. Тётя Ли, казалось, поссорилась со своей дочерью. Нос Ли Мэньи был слегка красным. Она отвернулась от слёз матери. Её голос был хриплым, и она не могла сдерживать слёз. — Мама, мы больше не можем лечиться. Больше не можем. — Отправь меня на выписку. Я больше не хочу оставаться в больнице. Я почти уморилась от запаха дезинфицирующего средства. — Рак трудно лечить, и риск смерти высок. Я лучше наслаждаюсь жизнью и развлекаюсь в оставшиеся дни. Услышав слова дочери. Слёзы тёти Ли текли. Только что врач пришёл в палату и сказал, что деньги на счету закончились, а стоимость следующего этапа химиотерапии составит как минимум 500 000. Как только врач ушёл, её дочь решила больше не лечиться. Как она могла не любить больницу? Она явно беспокоилась, что семья исчерпает свои финансы. Тётя Ли протянула руку и взяла за руку дочь, и её сердце чувствовало себя, словно его порезали ножом. Она мягко гладила руку Ли Мэньи, её глаза были полны любви и жалости, будто перед ней было самое драгоценное сокровище в мире. — Хорошо, не говори гневных слов. — Врач сказал, что результаты химиотерапии на этом этапе довольно хорошие, и шансы на выздоровление очень высоки. — Не беспокойся о деньгах. Твой отец и я продадим всё, что у нас есть, будем работать нянями на стройке. Мы будем занимать деньги у родственников и друзей, рискуя своей репутацией. Мы соберем достаточно медицинских расходов для тебя. Какими бы тяжёлыми, трудными или утомительными ни были эти усилия, я не сдамся. Сколько стоит это лицо? Как оно может сравниться с жизнью моей дочери? Не говоря уже о займе денег. Если бы она могла выбрать обмен одной жизни на другую, она без колебаний выбрала бы, чтобы её дочь жила здорово. — Мама... — Прости... Прости... — Моя дочь не имеет будущего и не может позволить тебе наслаждаться счастьем. Вместо этого она тянет тебя вниз... Ли Мэньи повернулась и обняла мать. Слёзы, которые она так усердно сдерживала, больше не могли удерживаться, и они хлынули, словно затопленная плотина. Она думала, что её родители стары и не могут уйти на пенсию и наслаждаться старостью, как другие родители, а теперь они бегают за ней целыми

днями. Ли Мэньи чувствовала, будто её сердце было крепко сжато огромной рукой после того, как она была вынуждена просить деньги повсюду и усердно работать с девяти до пяти. Трудно дышать и тупая боль в сердце.—...Цинь Инь стояла тихо у двери палаты. Она не решилась войти, ничего не сказала, чтобы не беспокоить мать и дочь, погружённых в печаль и утешающих друг друга. Цинь Инь с темными и непредсказуемыми глазами, её сердце было наполнено невыразимыми эмоциями, чувствуя небольшое подавление. Она медленно вышла из палаты и направилась к кабинету главного врача Ки Шаорана. Она подняла руку и вежливо постучала в дверь.— Тук-тук— Войдите. Изнутри донесся чистый и отчётливый голос Ки Шаорана. Цинь Инь открыла дверь офиса. Ки Шаоран, который смотрел на информацию о пациенте, положил информацию на стол и поднял голову, и увидел человека, вошедшего в офис, с удивлением и беспокойством в глазах.— Цинь Инь? Что-то случилось? Ки Шаоран беспокоился, что что-то не так с телом Ван Сююэ, и его красивое лицо было полно беспокойства.— Доктор Ки, я хочу сделать пожертвование в больницу. Цинь Инь говорила холодно и решительно, её лицо было особенно изящным после похудения, и её красота проявляла чувство королевской дерзости.— Пожертвование?— Не волнуйся, не торопись. Ки Шаоран достал стул для Цинь Инь, затем встал и взял одноразовый чистый стакан, налил в него горячую воду из кулера и поставил перед ней.— Спасибо, Доктор Ки. Цинь Инь не была вежлива, взяла стакан и выпила глоток горячей воды, чтобы увлажнить своё сухое горло и губы. Ки Шаоран не был в восторге, услышав о пожертвовании, но сел и серьёзно обсудил эту тему с Цинь Инь.— Цинь Инь, деньги не легко заработать. Действительно есть поговорка, что богатые могут помочь миру, но в любом случае, прежде чем рассматривать благотворительность, нужно улучшить свою жизнь. Ты уверена, что действительно хочешь пожертвовать? Его голос был убедительным, как у хорошо образованного учителя, терпеливо направляющего своих учеников. Цинь Инь прислонилась к чёрному стулу, и горячая вода в прозрачном стакане в её руке постепенно исчезла. Её глаза были твёрдыми и неизменными.— Да, я уверена, что пожертвую. Пожертвование — это благое дело, добрая воля, но, конечно, не глупо жертвовать всем своим богатством. Увидев обычное выражение Цинь Инь и решимость в её глазах, Ки Шаоран проглотил свои мысли обратно в желудок. Он в конечном итоге решил уважать решение Цинь Инь, потому что знал, что как только она примет решение, будет трудно вернуться назад. Ки Шаоран посмотрел на Цинь Инь.— Сколько ты хочешь пожертвовать?— Сто миллионов. Легкий голос прозвучал в офисе. Это было как гром среди ясного неба!